

РАССКАЗЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
регионального молодежного литературного
конкурса короткого рассказа,
посвященного 150-летию со дня рождения
А.П. ЧЕХОВА

Челябинск, 2010

ББК 83. 3. (2 Рос=Рус)бя2
С 30

РАССКАЗЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ регионального молодежного литературного конкурса короткого рассказа, посвященного 150-летию со дня рождения **А.П. ЧЕХОВА:** Е.Коробовой, Е.Сотниковой, Т.Булюкиной, Е.Студенихиной. – Челябинск: ГУК «Челябинская областная юношеская библиотека», 2010. – 46 с.

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
ГУК «ЧОЮБ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совсем не случайно юбилей великого русского писателя Антона Павловича Чехова библиотека решила отметить, объявив литературный конкурс короткого рассказа. Ведь эта «малая форма», с внешне незатейливым сюжетом, но с очень глубоким содержанием, удавалась особенно Чехову. Он - общепризнанный мастер этого жанра, до сих пор непревзойденный в мире.

Конкурс проходил по четырем номинациям:

- «Лирический рассказ»,
- «Юмористический рассказ»,
- «Острсюжетный рассказ»,
- «Мой Чехов».

Участие в нем принимала молодежь Челябинской области в возрасте до 30 лет.

Библиотека получила **112** рассказов из **17 городов и районов Челябинской области**. Наиболее активными были города Челябинск, Златоуст, Озерск, Чебаркуль, Красноармейский и Троицкий районы.

Порадовало количество конкурсантов – **95 человек**. Возраст участников самый разный – от 8 до 26 лет. Среди них: учащиеся школ, студенты вузов и техникумов, представители разнообразных профессий – кондитер, психолог, преподаватель английского языка, домохозяйка.

Большое количество работ прислали участники различных литературных объединений: «ЛИТО «КиШ» (г. Челябинск); «Журналистика» (челябинский Дворец пионеров и школьников), «Художественное слово» (г. Верхний Уфалей); «Книголюб» (Троицкий район), *литературное объединение при библиотеке имени Михаила Люгарина* (г. Магнитогорск), студия «Первоцвет» (г. Златоуст).

В жюри входили профессиональные писатели: *Нина Александровна Ягодинцева* - поэт, член Союза писателей России, лауреат премии имени П.П. Бажова; *Николай Иванович Година*, поэт, прозаик, член Союза писателей России, лауреат премии «Орленок», премии имени П.П. Бажова, обладатель знака отличия «За заслуги перед Челябинской областью»; а также *Лариса Викторовна Запашикова* - одна из

организаторов конкурса, методист
Челябинской областной юношеской
библиотеки.

Соучредители конкурса -
Министерство культуры Челябинской
области, Челябинское областное отделение
Союза писателей России и компания
«Канцбюро».

Сборник представляет работы
победителей конкурса.

Евгения КОРОБОИ
студентка ЮУрГУ, 2 курс, г. Златк

I место в номинации «Мой Чехов»

Публицистические очерки

«Назойливый луч солнца прошел сквозь ставни и разбудил меня. Прищурившись, я посмотрел на него и повернулся в сторону. Он осветил по очереди всю спящую компанию и, играя на лице каждого, как бы думал, вызовет ли эта игра эффект или нет. Все в комнате было мертво, всюду раздавались тонкое сопенье, покрываемое толстым храпом из кухни, но была и жизнь. Жил только один дымчатый луч солнца, нечаянно пробравшийся сквозь щель ставни и замерший на первой попавшейся ему фигуре... В то самое время, когда луч осветил его нос, Антон, обхватив колена руками, глубокомысленно рассуждал, что больше, кит или кашалот, но тот же луч, сев ему на правый глаз, помешал его мозгам привести свои мысли к кому-то положительному результату. Все знания эквилибристики были пущены вход: ослепленный Антон заболтал руками и ногами зараз, точно хотел сказать: «А ведь мы еще не умерли, мы спим...»

Н.П. Чехов

Всегда, когда говорю на встречах «наш Чехов», заставляю себя произносить это обобщение «наш». Так хочу сказать «мой Чехов».

Это не присвоение Вас, просто не хватает мужества говорить за всех, поэтому говорю за себя и еще два-три имени плюс. Всегда так хочу сказать много, но тут же словно вижу ваш характерный прищур и насмешливое: «в большом-то главного и не

увидишь...»

Говоря о Вас, так хочу избежать банальных слов, заученных громких фраз, потому что честное всегда тихо. Потому, что так легко спугнуть громкими фразами хрупкое понимание. Понимания Вас, вашего писательского языка,

приятие стиля вашей жизни.

Никогда не говорить пойму, потом полюблю. Но всегда полюблю - и тогда лишь пойму. Не хочу, не могу, не позволю рассматривать Вас сквозь ваши произведения. Я не люблю вас из-за ваших рассказов, но я люблю ваши рассказы из-за приятия именно вашей души, вашего стиля жизни. Собирая по крупицам то, что пишут о Вас ваши братья, друзья, выискивая ваши скупые комментарии своей жизни, я накладываю все это на ваши произведения, и тогда, сквозь строки, я вижу вашу

настоящую жизнь. Жизнь не только физическую, но жизнь духовную, наполненную творческими исканиями, трудами, заботой. Я слышу ваш голос, биение вашего сердца: то замершее в ожидании, то стучащее в возмущении, то сжавшееся от тревоги...

Я следую за вами, в ваш мир. Я учусь у вас.

Если скажу, что вы ворвались в мою жизнь и заняли всё свободное место, то я жестоко предам Вас и моё уважение к вам. Нет, вы пришли не так. Вы интеллигентным покашливанием обратили на себя мое внимание на библиотечной полке, сдержанно вошли в мой дом и с чувством собственного достоинства заняли имение близ моего творческого оплота.

Ваша книга на моем столе - это окошко к вам, Туда. Вы никогда его не закрываете...

Спросите, зачем? Зачем я обращаюсь к вам, вместо того, чтобы писать свои слова, складывать потом их в произведения? Зачем - не знаю. Но не закрывайте к себе окно, пожалуйста. Особенно ночью. Уж лучше я буду рядом, возле. Возле ваших слов, ваших рассказов. Потому что писать лучше Вас невозможно, хуже - стыдно. А так, как Вы - зачем?

Ведь у меня уже есть Чехов. Мой Чехов. А я буду где-то рядом...

БРЫЗГИ ОТРАЖЕННОГО СВЕТА

Все, что Чехов писал о своем творчестве и о своем отношении к литературе (о том, что писатель не судья, а только беспристрастный свидетель и наблюдатель, судят же пусть присяжные, то есть читатели; и затем о своем доверии к читателю: недостающие в рассказе элементы он должен добавить сам), - все это можно свести к трем словам: «Я ничему не учу».

Загадочное. Неизвестное. Чудесное. Волнующее. Дарящее вдохновение. Как много в нашей жизни тайн. Они окружают нас повсюду: издавна загадочные явления природы волновали разум человечества, веками люди гадают над загадкой души человеческой. Вот уж поистине кладезь секретов - душа. Сколько в ней всего... Вдохновение, душа, дух. Дышать, думать, дарить. Стихия и стихи, творчество... Почему именно так? Расскажу.

1

Вдохновение. Всё началось с вдохновения. Иногда думаешь, что первично - жизнь или вдохновение? Всегда себе отвечаю: «Конечно, вдохновение, вне сомнений». Первый миг жизни: ребенок открыл глаза, в них, как в зеркале, уже отражены глаза мама и папы, он - плод их вдохновения. Поправите, наверное, на плод любви. А может, вдохновение и любовь где-то рядышком ходят? Для меня - да.

Бывает утром, словно кто-то подтолкнет и... просыпаешься. Смотришь вокруг - никого. Как это никого, присмотрись-ка! Уже давно веселый лучик скользит по твоей комнате туда-сюда, заглядывает во все уголки, серебрит давнишнюю паутинку на полках. Хлопает окно, и в комнату врывается утренний ветер, вносит суету в кипу деловых бумаг на столе, откидывает теплое одеяло, тащит к окну... радоваться жизни. И не замечаешь, как на лице расплывается улыбка, как радостно и свободно дышишь и удивляешься, как хорошо жить. Это лучиком солнца ворвалось в твою жизнь вдохновение.

Это любовь? Еще нет, но это вдохновение любить. А любовь? Она рождается позже, когда день сменит утро, когда исчезнут длинные тени, и

тогда во всем своем молодом чувственном великолепии появится жаркое солнце. Солнце, дающее рост и жизнь всему живому, питающее весь мир теплом и светом. Тогда вдохновение уступит место истинной любви. А вдохновение?

И в настоящей любви уже не просто вдохновение, здесь уже рождение души. Души в своем прекрасном выражении, в могуществе человеческой мысли, в силе нравственности. Это не просто светлый лучик вдохновения, но это именно то самое прекрасное, что есть в человечестве, это фундамент разума, это то, что позволяет нам гордо носить звание высшего существа на Земле. Это великая созидательная сила души человеческой. Нельзя разделять душу и любовь. Любовь не только как взаимное чувство, но как великий исток всего и, прежде всего, жизни. Любовь к жизни, любовь к каждому её моменту. Без этого нет вдохновения, а значит, и нет писательского дара, который можно назвать еще даром жизни. Даниил Андреев: «Он (...) любил и, наслаждаясь этой любовью, учил любить всё: цветущую ветку черемухи, обрызганную дождем, - и трепещущие ноздри горячей лошади, песню косарей, идущих по дороге, и от звуков

которой точно колышется сама земля, -
и крепкие икры бегающих мальчишек;
- и физическое наслаждение от скачки
верхом и от купания, от питья ледяной
воды из ручья и от банального наряда, от
полевой работы и от чувственной любви».

2

Рано или поздно наступит первый день:
внезапно ощутишь всю Природу так, как если
бы это был первый день творения, и земля
блаженствовала в райской красоте. Это может
случиться ночью у костра или днем среди
ржаного поля, вечером на теплых ступеньках
крылечка или утром на росистом лугу, но
содержание этого часа везде будет одно и то
же: головокружительная радость первого
космического прозрения. Ничего, кроме
привычного ландшафта, еще и не увидишь, но
его многослойность и насыщенность духом
переживешь всем существом. И невольно
воскликнешь: Остановись, мгновенье! Ты
прекрасно!.. И оно остановится.

Величайшие творения искусства - это
прекрасные мгновения жизни. Мгновения,
которым приказали остановиться. Рукою
художника или пером поэта – не важно.

Важно, что эти мгновения перед нами, и мы верим, что время не всеильно...

Время неудержимо несет нас вперед: меняет мир, меняет нас. Мир, проходя сквозь призму нашего сознания, распадается для нас на спектр различных мгновений: это и чувства, и мысли, и наши поступки, дела - этот спектр гораздо богаче, чем спектр радуги. Среди этих оттенков есть и прекрасные,

незабываемые, бесконечно дорогие сердцу... Как их остановить? Как их сохранить? Просто: нужно взять немного красок или слов, добавить немного

таланта и воображения - и вот, готово новое произведение искусства: картина, стихотворение, скульптура - не важно. Важно, что всё это – дорогие сердцу творца мгновения жизни. Мгновения, что остановились волею великой силы Человечества - Творчеством...

3

«Ты пишешь, что ты одинок, говорить тебе не с кем, писать некому... Глубоко тебе в этом сочувствую всем сердцем, всюю душою, ибо я не счастливее тебя... У меня ведь тоже нет друзей и делиться не с кем. Теперь о будущем. Ты пишешь, что если судьба не станет милосерднее, то ты не

вынесешь. Я назвал бы себя подлейшим из пессимистов, если бы согласился с твоей фразой «Молодость пропала». Когда-то и я гласил тебе то же. Твое, а пожалуй и наше, не ушло. Стоит только улитке взять свою раковину покрепче на бугор спины и перетащить на новый стебель»

Переписка А.П. Чехова. Т.1. С.81-83

Я пишу, как дышу. Когда нечем дышать, я хватаюсь за чужие строки и дышу ими. Вот за этим, наверное, пишут на Земле. Чтоб когда-то твое дыхание влилось в другого человека и, может быть, оставило там, у него в душе какой-то след. Может быть, даже спасло его. Бывает, нечем человеку дышать, нечем жить. Бывает, человек перестает видеть, слышать. Я считаю, нужно дышать словами. Нужно писать.

Слова, такие нужные тебе слова, они затерялись где-то. Им не найти к тебе пути, они уже опоздали. Ты дышишь сам, ты пишешь. Я читаю тебя, улавливаю иногда свои же мысли в твоих строках и радуюсь, что ты пишешь. Знаешь, думать и дарить для меня почти одно и то же. Иногда говорят, что думать в нравственном ключе нас заставляет вина.

Вина — это такая странная вещь. Это родная сестра памяти. Иногда мне кажется, что вина и память — это почти тождественные понятия.

Знаешь, иногда так хочется что-то забыть, забыть немедленно, прямо сейчас. Просто вырезать клочок из памяти и выбросить, порвать, забыть. Вспоминаешь, зажмуриваешь глаза, понимаешь безысходность и неумолимость времени, жизни. Думаешь, зачем? Зачем думается, зачем вспоминается, зачем эти мысли? Самое обидное, что даже слез нет. А потом проходит время, оно стирает из памяти лица, события. Оно делает нас мудрее и учит ценить дыхание. Каждое дыхание жизни. Есть такой эффект памяти «старческий эффект». Он означает, что в старости не помнят ничего плохого, только хорошее. Очень хороший эффект. Жаль, что его еще 50 лет ждать. А очень хочется сейчас.

Знаешь, вина может сыграть и в плюс человеку, и в минус. Просто есть события, которые мы не можем изменить. И, наверное, это вершина мудрости жизни: принять всё это, простить себя и отпустить. Позволить прошлому быть прошлым, и заставить его быть светлым. Потому, что оно обязано быть светлым. Иначе никак. Иначе нет корней, нет жизни, нет души. Простить. Самое страшное, что мы путаем порой деяния людские и деяния

судьбы. Я не знаю, зачем мы живем. Но иногда мне думается, что жизнь — это тренинг на прощение. Люди ничтожны в своей злобе, они никогда не могут причинить вреда другим. Это только судьба делает те или иные вещи. Способны ли мы вообще прощать? Не знаю. Для этого, наверное, есть слово. Писать и писать. Чтобы меньше там, в голове. Пусть лучше в сердце. Там чище и уютней. Наверное... А кому-то может лучше в разуме. Поэтому многие не понимают слов, звуков. Не видят глубины фраз, молитв. Они по-другому воспринимают, им так легче. Может быть, жизнь и надо жить так, как проще? Не знаю. А как же великие девизы «бороться и искать, не сдаваться»? Не принимаю их, не могу. Разве так хорошо жить? Может быть, жизнь только для радости? Да, наверно нет. Если все время радость, радость, то как тогда, как ей радоваться? Ведь должен быть контраст. Наверное, эти испытания и нужны, чтобы мы их проходили, а потом ценили радость жизни.

Может так? Я вообще не люблю слово «может». Но как без него думать? Прощать нужно уметь и прощать, прежде всего, себя. Ведь мы — это жизнь. Когда уходит вина или обида, приходит место для счастья.

Душа и дух. Почти одно и то же?
Я думаю, нет. Душа - это духовная жизнь человека, его нравственный труд. Душа — это процесс. А вот дух — это уже результат. Это наследие каждого человека в отдельности и человечества в целом.

Дух — это почти память. Это наши корни, наше наследие.

5

Память. Какие любящие и сияющие у тебя глаза. Память. Какая чистая и теплая грусть наполняет твоё сердце. Сколько самых радостных моментов мы знаем с тобой, только ты и я, моментов, из которых и складывается моё счастье. Память, какая же ты хорошая и верная, когда ты приходишь по вечерам ко мне в гости и шепчешь, шепчешь... Твой голос убаюкивает, ласкает. Ты как старая добрая сказка из детства, перечитываю тебя,

перечитываю. Перечитываю и вспоминаю.

А воспоминания возвращают мне утерянные чувства, я вижу их глаза, улыбку, я чувствую их дыхание и слышу голос. А время стирает из памяти лица, и вот я уже не вижу очертаний, только чувствую тени того безгранич-

ного счастья, только ощущаю легкое дуновение ветерка от полета - ведь тогда у меня были другие крылья, легкие, совсем молоденькие крылышки. И летали мы тогда по-другому. Быстро, стремительно, не оглядываясь. Память! А ведь я сейчас тоже летаю. У меня теперь другие крылья. Большие, сильные, но они покрыты теми же перышками. Иногда полетишь так, как раньше: не подумав, не управляя, куда глаза глядят и видишь под собою озера жизни, а в них уже не маленькое отражение, а большое, и понимаешь, что такие полеты уже лишь в памяти.

Память! Как же ты прекрасна. Благодаря тебе я понимаю, от чего я сейчас так счастлива и почему мне так дороги все те, кто учил меня летать, всё то, что научило меня ощущать сердцем моменты счастья и хранить их, доверяя тебе, память. Ведь именно эти моменты поднимают меня так высоко, ведь именно они моя жизнь, именно они моё прошлое и моё будущее.

Память. Какие теплые и заботливые у тебя руки. Как хорошо уткнуться в твои ватные тени и забыть свои слезы. Как много у тебя есть утешений и как много ласковых слов. Память. Как

хорошо оттого, что ты такая. Какое счастье, что ты хранишь всё и не спрашиваешь у меня ничего. Какое счастье, что не могу ничего у тебя выхватить и выбросить. Как много в порывах гордости, обиды я выбросила дорогого мне, любимого. А ты сохранила. И какое счастье, что ты не жалеешь теперь со мной этим делиться. Память. Какие любящие и сияющие у меня глаза. Память. Какая чистая и теплая грусть наполняет моё сердце. Память, как много мы знаем, только ты и я. Память, от того, что ты у меня такая светлая, такая теплая и нежная, такая богатая и надежная, такая счастливая и я такая счастливая, память! Я такая счастливая...

Гореть отраженным светом... Кто-то скажет, что это глупо, бездарно. Может быть, даже беспомощно. Может быть. Но где-то здесь, в этих отраженных брызгах затерялась искра вдохновения. Еще не истинного вдохновения — духа, творческого дарования, но уже теплота понимания, но уже труд.

Потому, что душа должна трудиться...

Елизавета СОТНИКОВА
МОУ СОШ № 23, 11 кл., г. Челябинск

I место в номинации «Лирический рассказ»

УЛЫБНИСЬ, ПОТОМУ ЧТО БЫЛО

Не плачь, потому что это закончилось.

Улыбнись, потому что это было.

Габриэль Гарсиа Маркес

*В поведении людей, которых разлюбили,
всегда есть что-то нелепое.*

Оскар Уайльд

Знаете, как бывает? Встречаешь кого-то – и кажется, что навсегда.

Эта история начинается осенью, теплой и золотой, а кончается холодным зимним вечером. Стихи – ну а что еще делать, когда чувства – вот они, через край, на ладонях? Встретить кого-то и запомнить его запах – просто.

На мне так легко остаются чужие запахи -
Первого снега, города, чьих-то волос.

Как будто въедаются, нехотя исчезая,

Когда докрасна растираешь кожу,

Едва не крича в голос.

С меня так легко пропадает запах шампуня,
И самых любимых духов, и перечной
мяты.

На мне остается лишь чей-то дым
сигаретный
И нотки мужского парфюма того,
Кто просто стоит рядом.

Запомнить и не забыть. Пишешь Ему,
разговариваешь с Ним, а в ответ – улыбки,
нежность и искренний интерес. Его интерес. И
скоро становится понятно, что уже никак без
этого. А за окном всё еще светит осеннее солнце.

Очень легко привыкнуть к нечаянной нежности,
И хуже всего, если именно так получается.
С нелепой улыбкой ты говоришь любезности,
А мир, словно маятник, бьётся, кричит, качается.

И хочется вдруг, глаза закрыв на условности,
Броситься под ноги или уткнуться в плечо,
И говорить какие-то милые глупости,
И так и остаться на долгую-долгую вечность.

И пусть это будет как маленькое преступление,
Но мне б раствориться в руках его без остатка,
Лишь пусть обещает использовать по назначению,
И будет достаточно. Нежно и так сладко.

Но люди молчать не умеют.
Обязательно расскажут про Него,
твоего необыкновенного, всё, что они
знают. «По секрету всему свету», никак
иначе. Но ты-то уверена, что Он не такой, что
если и был таким когда-то, то только не сейчас,
не с тобой. Ты же особенная.

Эх, ты, безумная, зачем влюбляешься?
Она ж не лечится, тупая боль,
Что в сердце раненом, стучащем жалобно,
Играет главную пустую роль.

Оно ж не лечится, упрямо-шумное.
Лишь отпусти его - упустишь вновь.
Куда торопится твоё бездумное?
К кому бежит оно искать любовь?

Ну что ты, грустная? Нет, так отчаянно
В чужие омуты ты не смотри,
Глаза - бездонные, нельзя надеяться
Увидеть признаки его любви.

Скажи, случайная, на что надеешься?
Ведь ты не первая, кто рядом с ним.
И кто сказал тебе, что ты - счастливая,
Что суждено тебе быть с ним одним?

Скажи, упавшая, звезду погасшую
Ему в тебе возможно ль воскресить?
И чем закончится, и будет страшной ли
Твоя история, и как ты будешь жить?

Эх, ты, безумная.. Зачем влюбляешься?
Ведь ты не первая, кто рядом с ним.
Но сердце бедное стучит так жалобно,
Оно не хочет быть ни с кем другим.

А пока первые морозы, пока первые
снежинки падают на твои волосы, у тебя с Ним
первый поцелуй. Идешь домой, и весь мир на
тебя оглядывается – настолько счастливой ты
выглядишь.

Скитаться по выжженной холодом улице между
пустынных крыш
маленькой точкой. Едва ли со спутника ты меня
разглядишь.
Смело морозить уже покрасневшие руки, и пусть
зима.
Так будет холодно, остро-колюче, так не сходят с
ума.

Будут садиться ледышки холодные стаями белых
птиц
прямо на сердце, на губы тонкие и на тушь для ресниц.
Будут садиться, чтобы в дыхании таять секунд за ноль.
Скитаться по выжженной холодом улице, преодолая боль.

Медленно пальцами перебирая, снова
писать "люблю".

Правда ли это? И в тишине своей время
равно нулю.

Что-то ударит вдруг бешено-бешено, в легких
скопится пар.

Выдохнуть теплое, чтобы наполниться холодом. Но
пожар

где-то в предсердии бьется отчаянно. Руки морозит
зима.

Будут садиться ледышки холодные, чтобы сойти с
ума,

Будут садиться, чтобы в дыхании таять, пуская
дрожь,

если вдруг с губ своими губами бережно соберешь.

И самое приятное – то, что ты
действительно счастлива.

Твоя. И этим всё вроде бы сказано.

Твоя любимым переулком вен.

Твоя, безумная, своеобразная,

Только твоя. Je suis la tienne. (франц. Я – твоя)

Но ты помнишь, что тебе о Нем говорили.
Всё же помнишь.

Капли краски по телу.

Рисуешь? Рисуй, художник,

Только не белым,

не черным - ты не сапожник.

Капли краски по телу,
отсутствие декораций.
Хочешь - подай пример,
но не злорадствуй.

Вечером много думать
и много сладкого - вредно.
Впрочем, так проще пишется,
наверно.

Капли краски на пальцах.
Пишешь своё имя.
Сколько раз так делал
с другими?

Капли краски, как время,
след оставляют на коже.
Ты каждым движеньем -
тоже.

А потом вдруг что-то не то.
Стандартная ситуация – меньше звонков,
отстраненное поведение.

Всё бесподобно - улыбки, солнце и хэппи-милы в
Макдоналдсе,
Только мелькают чаще и чаще черные полосы.
Что ж, мне не нужно содрогаться в порыве истерики -
я всё же верю тебе, слышишь, верю я.

Такие предчувствия у тебя
никогда не бывают на пустом месте.

Однажды вечером ты снова пишешь,
даже и не о себе. Но что-то маячит на
горизонте, пока еще неуловимое, скрытое за
тучами.

- Вот ваш заказ: кофе без сахара,
Впрочем, вы и его не пьете.

Но почему?

- Вы не поймете...

- Вечно кого-то с надеждою ждете.

Просто сидите. Бывает, пишете,
Но чаще взгляды в окно бросаете,

Совсем случайные...

- Да что вы знаете?!

- Увы, не знаю. Увы, достаточно:

Салфетки скомканы, немного влажные,
Как если б плакали...

- А дело ваше ли?

- И вы испуганы.

- Но вашей жалости

В заказе сделанном отнюдь не значилось.

- А вы растеряны и озадачены...

Салфетки скомканы - стихи случайные

На них вы пишете, и так отчаянно

Потом сминаете. Кого вы ищете?

- Ну, хватит! Дайте счет! Вот вам наличные,
Не нужно сдачи...

Недопитый кофе,
Одна салфетка - стих незавершенный.
Еще один. И снова для кого-то.
Еще один. И снова от влюбленной,
Болеющей сей странною любовью:
"Чего-то не хватает мне сегодня..
Быть может, солнца? Вдохновения? Тебя?.."

Приписка ниже "Всё же вдохновения"
Размыта. Растеклась в слезах. Забыта.
А завтра дверь откроется сердито...
"Вам как обычно, кофе, сеньорита?"

Проходит два часа – и вот оно,
пожалуйста: «Я подумал и решил, что мы
остаемся друзьями». Да, конечно же, на это
есть множество причин: его возраст, его друг,
его музыкальная группа. И спорить бесполезно.
Но уже сейчас где-то внутри бьется мысль о
том, что он будет жалеть. Ну а пока – слезы,
грусть. Ты снова влюбилась не в того. А на
улице – снегопад.

Привет. Мы ни о чем не говорим.
Мы пропускаем пятницы сквозь пальцы,
А оправдания из воздуха творим.
Мы, одинокие, но гордые скитальцы.

Закрой окно, здесь холодно. Садись.
Спасибо, милый. Дай мне руку всё же.

Всё было правильно. Нет-нет, не торопись.
Оставь мгновение мурашками по коже.

Ты помнишь?.. Знаю, помнишь. Но ушел.
По каплям соберу остатки взглядов,
Закутаюсь в холодноватый шелк.
Твоя. Ты будешь помнить.
Но не будешь рядом.

В нашем далеком вчера
Тебе нравился запах ванили,
Мои звонки по утрам
И то, как мы говорили.

В моё одиночество дней
Вросли социальные сети.
Лишь там теперь вижу тебя -
На фото твоих в Интернете.

А в папке "Входящие" - ноль
Непонятых сообщений.
Когда уже мой пароль
Утащит какой-нибудь гений?..

В безоблачном завтра, увы,
Другие нам будут сниться.
Быть может, разъедемся мы
По разным местам и столицам.

Тебя кто-то ждет в США
Среди этажей новостроек,
Где улицы и дома
Пропитаны чьим-то "sorry".

А мне по душе Париж,
Духи откровенно-сладкие,
Романтика низких крыш
И музыка безымянная...

Запомню твои слова
И всё, о чем говорили.
Вчера - это только вчера.
Нам нравится запах ванили.

Ну, всё-всё, хватит. Ты уже его отпустила.

Беззвучная гордость за собственное презрение.
Я сильная, смелая. Я, безусловно, лучшая.
Тебе и тому, кто рядом - моё почтение.
Не будьте, прошу, ошибкой слепого случая.

И громкая радость за собственное прозрение.
Любовь и желания - не осуществляются.
А разница в чем-то - не преграда для гениев,
Но наши герои ими, увы, не являются.

И самое главное - я спокойна. Отлично.
Ты - тест на порядочность. Будешь моим алиби.
Прости, наверное, я задеваю личное,
Наверное, так говорить не совсем правильно.

Прости, но ты знаешь сам: я - скверная.
Жалеть ни о чем не буду - мне не по
возрасту.

Я же принцесса, счастливая еще, наверное.
Подумаешь, не прошла по твоему ГОСТу.

Как глупо, но до невозможного
современно сейчас прозвучит: удаляешь его из
контактов и действительно больше о нем не
думаешь, когда он не мелькает перед глазами
каждый день. Он, конечно же, не помнит про
твой день рождения в начале января, но это не
мешает ему вдруг написать тебе в его середине
и...извиниться. За то, что «поддакивал другу».
А между строк звучит «За то, что побоялся»,
наверное. Только вот тебе уже не важно.

Холодно. Айсбергом океаническим
время застыло в области сердца.
Хочется музыки симфонической,
хочется слабости и согреться.

Издавна пламя рвалось наружу,
сейчас же инеем, словно плесенью,
накрыты мысли-чувства, как лужи.
Зима колючая перебесится.

Сугробы пушистые, но холодные,
обманчиво теплые взгляды - острые.

Ну, скажи, для кого пригодные
эти пустые объятия звездные?

Холодно так, тротуар заснеженный
скрипит под ногами случайных прохожих,
пар вырывается клубами белыми.
Дышат - счастливицы, торопятся - тоже.

Лишь холодно, лбом в стекло вжимаясь,
на что-то грустное себя настраивать.
Тепло - закутавшись, на подоконнике,
Хочется слабости и оттаивать.

Евгения СТУДЕНИХИНА,
МОУ гимназия № 23, 11 кл., г. Челябинск

I место в номинации «Остросюжетный рассказ»

В ДОМЕ

Этой ночью горел свет только у Бесприданцевых. На кухне был слышен разговор между женщиной и женщиной, часто голоса их повышались, похоже было, что они спорили.

Но больше меня беспокоила Настя. Настя спала детским крепким сном, часто ворочаясь и разговаривая во сне. Её волосы были светлые, глаза голубые. Училась она в седьмом классе. В семь часов Настя встала и начала собираться в школу: собрала портфель, надела школьную форму, почистила зубы и направилась в кухню. В кухне продолжался спор: женщина, которой было около тридцати, со светлыми прямыми волосами что-то объясняла мужчине и поминутно вздыхала, мужчина с такими же светлыми волосами что-то невнятно объяснял, повышая свой резкий голос.

Разговор начался без приветствия, без улыбок, без всего того хорошего, что обычно желают людям со сна.

- Настя, ты должна это знать, - сказала чуть слышно женщина, - ты же помнишь, что меня ..., - женщина вздохнула, стараясь посмотреть Насте в лицо.

- Да, мама, помню, тебя уволили, - Настя старалась не смотреть на маму, она предполагала, что так будет, будет когда-нибудь, но не хотела в это верить.

- Так вот вчера, точнее позавчера, твоего папу уволили, точнее, сократили, - мама вздохнула и посмотрела на Настю.

- Маша, - сказал мужчина, он сказал это как-то сразу, похоже, за их ночной разговор он говорил это не раз, - я найду работу, ну, ты же знаешь.

- Коля, мне ты ещё так год назад говорил, а потом тебя мой папа пристроил.

Мужчина молчал. Он лишь немного задумался, почесал затылок и с видом гордого побеждённого быстро ушел.

Насте было стыдно, стыдно за отца. Он постоянно показывал свою неспособность, своё неучастие в семье, в своей жизни, но Настя его

любила, любила его недостатки, хотя и не могла ему ничем помочь.

- Настя, ты не расстраивайся, - сказала женщина и вздохнула, - ну, пока придется тебе у бабушки пожить, ну, это же временно, мы скоро найдем работу.

- Да что ты, мам, не волнуйся, мы продержимся, - Настя обняла маму и посмотрела ей в глаза, стараясь найти ответ.

- Насть, тебе наложить поесть? - сказала мама, чтобы как-то сменить тему, - загляни в холодильник, может, чего найдешь.

Настя открыла дверцу холодильника и нашла там старое яблоко. Она его хорошо помыла, счистила кожицу и с улыбкой резала на дольки, поочередно съедая каждую.

- Насть, ты ешь, - вздохнула мама, - а я пойду, посмотрю там разные объявления, может, что найдется.

- Мам, мам, я чуть не забыла, а на проезд будет? - обеспокоено спросила Настя, - мам, я бы и сама дошла, но холодно...

- Посмотри в сумке, там рублей десять можно собрать мелочью, - улыбнулась мама.

НА УЛИЦЕ

Снег хлопьями падал на деревья, дома, шапки прохожих. Было холодно. Солнца почти не было видно, всё было в тумане. Настя шла к остановке, её легкое пальто было совершенно не по погоде, на ней была красивая шапка, красная с чёрными помпончиками. На остановке не было никого, лишь далеко было слышно повизгивание собак. Иногда проезжали автобусы, громоздкие и выкрашенные в коричневый цвет. Послышался хруст снега и звонкий детский смех: на остановку пришел папа с сыном. Папа что-то уверенно с улыбкой рассказывал сыну, жестикулируя руками. Мальчику было лет пять, на нем была большая черная ушанка, маленькая мутоновая шубка и крохотные валенки.

«Вот счастливые люди, - подумала Настя, - у папы наверняка есть работа. Ну, вот и автобус, и даже номер мой», - Настя быстро проскочила между пассажирами, было тесно, и все давили, кто локтем ударит, кто сумкой - тяжело ехать в автобусе.

В ШКОЛЕ

В школе было темно, и начальная школа не училась из-за морозов уже давно. Настя зашла в гардероб, и первый раз за всю свою жизнь она задумалась о воровстве. Она вспомнила слова папы о том, что каждый должен зарабатывать таким путём, каким может; слова мамы, что воровство - это когда берешь что-то большое. И тут она поняла, если и найдет у кого десятки в карманах, то десятка - это не так уже и много. В раздевалке было немного человек: группа одиннадцатиклассников о чем-то оживленно разговаривала. «Ну, кажется, никто не заметит», - решила про себя Настя и быстро запустила руку в куртку с меховым воротником. Там были и ключи и губная помада, кстати, мелочь тоже была. Она вытащила несколько монет, открыла свой голубенький портфель и быстро их бросила, потом она решила обшарить розовую куртку с красивой вышивкой на рукаве, опустила пальцы в маленький кармашек и нашла там двадцать рублей. И тогда она задумалась - ведь двадцать рублей, это не десять, это больше, но сразу отогнала от себя эту мысль, так как рядом

послышался стук каблуков, она бросила двадцать рублей в свой карман и побежала к выходу. В классе была лишь Юля, дежурная. Юля поливала цветы и протирала парты.

- Привет, Юля, - улыбнулась Настя и побежала к ней, чтобы её обнять.

- Настясяя, - радостно прокричала Юля, она заметила покрасневшее лицо Насти и хотела поинтересоваться, не температура ли у неё, но тут же про это забыла.

- Юль, я всё надеялась, что мы сегодня учиться не будем, - сказала как-то рассеянно Настя.

- Да, что ты, Насть, мы же седьмой класс, мы уже взрослые, так вряд ли нам отменят уроки. Хотя, если честно, я тоже об этом вчера думала, что может быть отменят.... Как, Насть, твоя мама, - поинтересовалась Юля, - я всё забывала спросить, кем она у тебя работает на сей раз.

Настя опустила глаза и еле слышно прошептала:

- Она сейчас никем не работает, её, знаешь, уволили и она..., - Настя вздохнула и посмотрела в окно, - всё найти не может новую работу.

Юля сделала искреннее выражение сочувствия и стала утешать Настю. Хотя её не интересовали ничьи проблемы, а сочувствие она успешно выработала класса с пятого.

Уроки прошли быстро и ребят отпустили с последнего урока: заболела учительница истории. Радостно загалдевший 7^б с криком и со смехом побежал по лестнице к раздевалке.

Светлана Максимовна, медленно поднимавшаяся по лестнице, заметила класс, как положено, отчитала всех крикунов и попросила через несколько минут подняться Настю.

Настя не думала ни о чём, по крайней мере, её лицо не выражало никакого удивления, почему её вызвали. Она попрощалась с Юлей и резвым шагом прыгала по ступенькам до класса.

- Светлана Максимовна, вы звали, - сказала Настя и нерешительно вошла в класс.

- Да, Настя, заходи, только дверь закрой. Я все понимаю, что у вас в семье финансовые трудности, кстати, как там мамочка: нашла работу?

Настя опустила глаза и прошептала:

- Светлана Максимовна, и мамку и папку обоих уволили, - она неуверенно провела ножкой по полу и, не поднимая глаз, смотрела в пол.

- По-ни-маю, но не мне же сдавать за тебя в фонд класса и школы, - Светлана Максимовна надела очки, встала из-за стола и начала стирать с доски мел.

- Светлана Максимовна, мы найдем деньги и заплатим, я обещаю, я бабушку попрошу, - звонко проговорила Настя, делая акцент, на слове бабушка.

- Насть, я надеюсь, ты занеси мне через недельку, это последний срок.

Настя шла по улице, пинала снег, обдумывала свою жизнь. «Придется по-крупному брать, - решила Настя, - Бабушку жалко, у бабушки пенсия, значит, остается одно....».

Настя доехала на автобусе и побежала домой. Папа и мама опять ссорились, и, кстати, есть-то было нечего.

- Насть, ты купи вермишельку нам с папой, мы сегодня ещё ничего не ели, я у соседа нашего пятьдесят рублей заняла. Купи, знаешь, вермишель рублей на двадцать пять и гречку, если хватит.

Так продолжалось долгое время, Настя училась, брала по-крупному, и после школы приходила домой.

Теперь соседи отказывались занимать, а мама и папа были не против того, что Настя им помогала.

В один день позвонила классная Насти Светлана Максимовна. И сообщила, что Настя стала хуже учиться и то, что Настя начала воровать. Мама позвала Настю.

- Насть. Я знаю, что денег нет, но зачем воровать?

Настя удивленно посмотрела на маму, её голубые глаза стали какого-то грязного цвета, волосы больше не казались золотыми при солнечном свете.

- Мам, что же мы есть-то, будем, мам?

Тут пришел папа, он всё слышал. Он взял маму за руку и резко проговорил:

- Маш, пойдем нам работу искать, не наше это дело.

Татьяна БУЛЮКИНА,
МОУ СОШ № 1, 11 кл., с. Кизильское

I место в номинации «Юмористический рассказ»

ЖЕНСКИЕ СТРАХИ

Вот бывает же так... Ты идёшь ночью, одна, тебе страшно и холодно и всё так реально, что аж жутко от этого! Иногда с тобой что-то случается, что-то очень хорошее или очень плохое, и ты потом это вспоминаешь и думаешь: «Всё прошло как во сне!». Так вот, скажу я вам, это ещё не страшно! А вот когда реально, тогда страшно! И мысли в голове сразу разные крутятся... о жизни, да о смерти.

И вот идёшь ты себе, идёшь, а к тебе подбегает вполне реальная собака и начинает на тебя громко лаять. А потом подбегают ещё четыре и начинают лаять все вместе. И непонятно, что лучше, кричать или тихо удирать? И вот ты удираешь по-тихому и думаешь: «Как хорошо, что не заорала, мало ли какой маньяк на твой крик отозвался бы?» Идёшь быстро, почти бежишь, а сапоги скользкие-прескользкие! И от этого ещё страшнее идти – вдруг упадёшь куда-нибудь? Или ногу подвернёшь?

Или чего хуже каблук сломается!!! А идти ещё так далеко, так далеко! И вот ты бежишь-скользишь и неожиданно падаешь! Да ещё и ногу подворачиваешь! Больно безумно! А при падении по привычке визжишь как сумасшедшая! Потом закрываешь рот, и думаешь – слышал кто-нибудь или нет? И, как назло, тебя слышали! Из-за угла выходит очень страшный молодой человек и быстро движется в твою сторону. И вот ты еле-еле встаёшь, прихрамываешь и при таких условиях ещё умудряешься бежать. Нога болит, сапоги скользкие и сзади догоняет подозрительный тип! Хорошо ещё, что собаки отвязались, видимо, нашли себе новую жертву. Убегаешь от него из последних сил, а на улице холод дикий! Машинально ищешь в карманах среди прочего хлама перчатки, находишь, достаёшь, пытаешься надеть и по закону подлости одну куда-то роняешь! В такой темноте тебе ничегошеньки не видно! На пять секунд останавливаешься, возвращаешься, ищешь, а её ну нигде нет! А стоять-то нельзя!!! Тот тип где-то сзади преследует! И ты продолжаешь погоню, хромя и в одной перчатке...

Через десять минут такой погони ты замечаешь, что за тобой, вроде, никто уже не бежит и переходишь на

медленный прихрамывающий шаг. Хромаешь в сторону дома и чуть не плачешь от обиды, что в двадцать первом веке ты не можешь даже никому позвонить, потому что элементарно разрядился телефон! Хромаешь, хромаешь и тут слышишь странный хруст под ногой – сломался каблук! Видимо, на камень наступила. А слёзы уже катятся по щекам – это были любимые сапоги! Но в этот момент они - мелочь по сравнению с болью, которую ты чувствуешь и холодом, который пронизывает тебя насквозь.

Ну, всё. До дома совсем немного осталось. «Надеюсь, что дальше обойдусь без происшествий...» - думаешь ты. И в этот момент гаснет единственный фонарь на твоём пути. «Да что за невезенье!» - вырывается у тебя, но идти ты не перестаёшь. И, двигаясь чуть ли не на ощупь, ты по силуэтам догадываешься об окружающих тебя домах и продолжаешь движение. Пять минут без происшествий, и ты уже счастлива, что всё вроде бы наладилось. «Скоро, скоро приду, совсем чуть-чуть осталось!» - крутится у тебя в голове. Но тут ты слышишь звук непонятных падающих предметов. И сумка вдруг полегчала...

«И за что я могла зацепиться?» - тихо произносишь ты. И совсем не злишься, как-то привыкла уже к этим неожиданностям! Идёшь и просто вспоминаешь, что паспорт вроде в отдельном кармане... А вроде и нет. И денег там, кажется, немного... или ты всё-таки взяла кошелёк с собой? Осознаёшь, что и кошелёк и паспорт были в сумке и молча надеешься, что они не выпали...

С тихим хныканьем ты разглядываешь в темноте свой дом, единственный твой подъезд, над которым горит фонарь, и ускоряешь шаг. «Хоть какая-то радость – свет!» - думаешь ты, – «Поскорее бы домой! В душ и в холодильник!» В меру своих сил подбегаешь к двери подъезда, судорожно копаешься в распоротой посередине сумке в поисках ключа и... не находишь! Потеряла... уже без сил и с полными слёз глазами опускаешься на землю...

- Хэй, Жень! Хватит мечтать! Ты меня слышишь? Так тебя что, проводить или нет? Поздно ведь уже!

- Ой, Лёш... Конечно проводи! Одна я не пойду никуда!

- Вот не поймёшь вас, девушек! То пойду, то не пойду... Руку давай! Осторожно, скользко!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Коробова Е. Брызги отраженного света	6
Сотникова Е. Улыбнись, потому что было	20
Студенихина Е. В доме. На улице. В школе.	32
Булюкина Т. Женские страхи	41

**Отзывы и предложения можно
отправлять по адресу:**

Web-сайт в Интернет: www.unbi74.ru

E-mail: onbt@unbi74.ru

Ответственный за выпуск: З. П. Сергеева

Редактор: И. В. Архипова

Компьютерный дизайн и верстка:

Н.П. Мащиц, Н.Г. Екимова

Подписано в печать 2010 г.